

В.Н. ДЕМИН, доктор философских наук,
член Союза писателей России

С КОСМОСОМ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ...

Памяти профессора Юрия Андреевича Абрамова.

Чаще на небо гляди...

Вся жизнь цивилизованного и нецивилизованного человека неотделима от окружающей его Вселенной, пронизана неразрывной связью с ней от рождения и до смерти. Русский народ здесь не исключение. Более того: необъятные просторы русской земли, распаханность звездного неба, постоянная устремленность к открытию новых земель и вообще всего нового сделали русского человека особенно восприимчивым и предрасположенным к миру космических явлений. Именно данная особенность позволила одному из главных русских космистов Николаю Федоровичу Федорову (1828–1903), вдохновителю и наставнику молодого Циолковского, говорить о том, что ширь русской земли порождает ширь русской души, а российский простор служит естественным переходом к простору космического пространства, нового поприща для великого подвига русского народа¹. А это вселенское поле деятельности не имеет границ!

Среди уникальных находок, обнаруженных недавно российскими археологами в Притоболье особенно впечатляет одна — фигурка нашего древнего предка, устремившего задумчивый взор в небо, в Космос, туда, где ходят дневное и ночные светила, где попеременно рождаются день (свет) и ночь (тьма), где распростерла свои бесконечные крылья сама Вселенная. Не приходится сомневаться, что наших далеких пращуров обуревали те же мысли, которые сравнительно недавно были в концентрированном виде сформулированы в «Завещании» Павла Александровича Флоренского (1882–1937): «...Почаще смотрите на звезды. Когда будет на душе плохо, смотрите на звезды или на лазурь днем. Когда грустно, когда вас обидят, когда что не будет удаваться, когда придет на вас душевная буря — выйдите на воздух и останьтесь наедине с небом. Тогда душа успокоится»². С этими пронзительными словами вполне созвучно четверостишие нашего современника — замечательного философа и поэта Арсения Николаевича Чанышева, написанное чеканным классическим слогом и перекликающееся с «Завещанием» Флоренского:

*Чаще на небо гляди темной безоблачной ночью!
Звездною пылью тогда густо покрыт небосвод.
В каждой пылинке громадный мир заключен. Бесконечность
Стала наглядной... Как жалок день, что прошел в суете!*

Думается, первобытный звездный мечтатель на тысячи лет предвосхитил вдохновенные слова русских космистов. Воистину его образ — овеществленная «память сорока веков», о которой когда-то пророчески писал Валерий Брюсов! Но исчерпывается ли обозначенным сроком возраст космизма вообще и русского космизма в частности? Ведь человечество по своему происхождению космично изначально, ибо оно — закономерный продукт эволюции Вселенной.

Человеческая жизнь, по мнению наших предков, с момента рождения зависела от того, что написано в «небесно-звездной книге». Вселенское мироощущение впитывается русскими чуть ли не с молоком матери. Каждый хотел бы родиться под счастливой звездой. Всю жизнь в нашей душе звучит древний оберег-заклинание, ставший впоследствии словами известного романа: «Гори, гори, моя звезда...» Гаснет она — обрывается нить жизни, и человек умирает.

¹ См.: Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. М., 1995. С. 254.

² Священник Павел Флоренский. Детям моим. <...> Завещание. М., 1992. С. 444.

Выдающийся мифолог, собиратель и исследователь русского фольклора Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871) отмечал: «Каждый человек получил на небе *свою звезду*, с падением которой прекращается его существование; если же, с одной стороны, смерть означалась падением звезды, то, с другой, — рождение младенца должно было означаться появлением или возжиганием новой звезды, как это засвидетельствовано преданиями индоевропейских народов. В пермской губернии поселяне убеждены, что *на небе столько же звезд, сколько на земле людей*»³.

Поразительно, но свыше двух тысяч лет до этой записи, сделанной в пермской глухомани, подобные же взгляды высказывал Платон: число душ в Космосе равно числу звезд и распределено по одной на каждой звезде (Тимей, 41e). В свою очередь, мысль, сформулированная Платоном, вполне соответствует «звездной философии» египтян, изложенной, к примеру, в так называемых «Драматических текстах».

Вера в небесно-космическую предопределенность человеческой жизни на всех ее этапах была присуща всем славянским народам. По стойкому убеждению русских, украинцев, белорусов, южных и западных славян Солнце, Луна, Земля, звезды принимали деятельное участие в судьбе человека, определяя в том числе и счастье или несчастье в супружеской жизни. Женитьба и замужество, в представлении славян да и других народов, заранее предопределена и даже записана в воображенной небесной книге. Юноша в мужья и девушка в жены предназначаются Судьбой — неотвратимым небесно-космическим Роком. От имени неотвратимой Судьбы возникли и понятия «суженый», «суженая», имевшие магическое значение; само слово заставляло юношу и девушку покоряться судьбе. Представления о жизненности космических сил, взаимопроникновении их и жизни человеческой, обусловленность ее высшими «небесными» законами — неотъемлемая часть, ядро народного мировоззрения, передававшегося от поколения к поколению вместе с языком, вековыми традициями и тем русским духом, который и составляет отличительную черту всей нации.

Жизнь и материя – одно

Жизнь и Космос нерасторжимы. «Живая Вселенная» — центральная идея в учении великого русского космиста, основоположника теоретической и практической космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского (1857–1935), чье имя стало символом XX века и ознаменовало начало космической эры. В натурфилософском плане — жизнь не просто порождение Вселенной, но и ничто без нее. Растения и животные не могут существовать без солнечного света и излучаемой им энергии. Птицы при ночных перелетах ориентируются по звездам и Луне, а во время сезонных миграций — по магнитным и иным космическим полям. Человек тоже всецело планетарное, солярное и космическое существо. *Homo sapiens* — это всегда *Homo cosmicos*.

Последние полтора десятка лет российской истории, кроме всего прочего, запомнятся нам и беспрецедентными попытками низвергнуть с всемирного пьедестала Михаила Ломоносова и Дмитрия Менделеева, Ивана Павлова и максима Горького, а также многих других великих отечественных мыслителей, ученых, писателей и даже путешественников – от Семена Дежнева до георгия Седова. Так, накануне празднования 40-летия старта Юрия Гагарина в отечественной прессе появилась серия публикаций, в которых ставится под сомнение вклад в науку и практическую космонавтику ее основоположника К.Э. Циолковского.

Особенно усердствует некто Гелий Салахутдинов, опубликовавший в 2000-м году целую книгу-пасквиль (иначе, к сожалению, не назовешь) под названием «Блеск и нищета К. Э. Циолковского», где гениальные открытия и озарения «великого калужанина», во многом опережающие уровень современной науки, объявляются фантастическими бреднями изобретателя-самоучки или же плодом старческого

³ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. М., 1994. С. 196–197.

маразма. Под сомнение ставится даже вклад Циолковского в развитие ракетной техники и другие открытия, хотя еще до революции Циолковского поддерживали такие светила отечественной науки, как Д. И. Менделеев, Н. Е. Жуковский, А. Г. Столетов, а в советское время его учениками считали себя творцы практической космонавтики — Ф. А. Цандер, С. П. Королев, В. П. Глушко... Признавал приоритет Циолковского и Герман Оберт — один из пионеров ракетной техники на Западе. Объясняются современные нападки на корифея русской и мировой науки достаточно просто: есть люди, которым просто не дано природой (или Богом, если хотите) понять глубинные закономерности биосферы и ноосферы. Практика подсказывает, что подобные «ниспровергатели» являются, как правило, своего рода интеллектуальными геростратами: страдая комплексом неполноценности и осознавая собственную бездарность, они начинают заниматься очернительством великих предшественников. Как выразился Артур Шопенгауэр: «Каждый принимает конец своего кругозора за конец света».

Циолковский — не только гениальный ученый, по праву ставший символом науки XX века, но еще и гениальный философ-провидец. Его идеи во многом опередили свое время, быть может, на века. В своей «космической философии» он наметил почти все основные направления, которые лежат в основе бионоосферной теории, и всюду, где только можно, проводил идею жизнестойкости мироздания. В основополагающем философском эссе «Монизм Вселенной», систематически обобщающем идеи великого русского мыслителя, содержится своего рода возвышенная космическая оратория в честь материи, человека и его счастливого будущего. «Я хочу привести вас в восторг от созерцания Вселенной, — обращается к современникам и потомкам калужский мудрец, — от ожидающей всех судьбы, от чудесной истории прошедшего и будущего каждого атома. Это увеличит ваше здоровье, удлинит жизнь и даст силу терпеть превратности судьбы. Вы будете умирать с радостью и в убеждении, что вас ожидает счастье, совершенство, беспредельность и субъективная непрерывность богатой органической жизни»⁴.

Свободно оперируя колоссальными временными периодами, Циолковский подразделял космическое бытие человечества на четыре основные эры: 1) эра рождения (нынешняя эпоха развития цивилизации, положившая начало освоению космоса); 2) эра становления (расселение человечества по всему космосу); 3) эра расцвета (существование людей во взаимосвязи с другими космическими цивилизациями); 4) терминальная (или лучевая) эра (когда в результате несоизмеримого с нынешними мерками развития человечества оно сольется со всем космосом). Каждая эра может продолжаться несколько миллиардов лет, а в отношении последней Циолковский предупреждал, что в настоящее время идею «лучистого человечества» понять практически невозможно (она представляется нелепой и абсурдной), «однако удивительные предчувствия никогда не обманывали мыслящего человека».

В эволюции Космоса решающая роль, по Циолковскому, принадлежит свету и другим электромагнитным явлениям. Так, на четвертой стадии лучевой (терминальной) эры корпускулярное вещество превращается в лучевое, а «человечество становится бессмертным во времени и бесконечным в пространстве», перейдя в лучистую форму высокого уровня. В результате мозг высших организмов превратится в необратимую форму лучистой энергии, наиболее совершенную форму материи вообще, обладающую каким-то особым космическим сознанием, развитом в мировом пространстве. Возникает Лучистое человечество. Смелые выводы Циолковского как бы конкретизируют на естественнонаучной основе мысль, ранее высказанную, Владимиром Соловьевым: «Древняя наука догадывалась, а нынешнее доказывает, что органическая жизнь есть превращение света»⁵.

⁴ Циолковский К.Э. Космическая философия. М., 2001. С. 272.

⁵ Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1988. С. 364.

В конце жизни Циолковский задался целью сформулировать квинтэссенцию своих взглядов, своего рода свод космических истин, служащих во всякие времена неисчерпаемому познанию “вечной юности Вселенной”. Очерки эти были вчерне готовы, но увидели свет спустя почти что шесть десятилетий. Углубляя систему нового мировоззрения и новой методологии, великий русский космист продолжил обоснование зависимости судьбы человека и человечества от судьбы Вселенной. Допуская как нечто вполне естественное существование «миллионов миллиардов планет», населенных живыми и разумными существами, Циолковский идет дальше, пытаясь представить социальную организацию Вселенной: от президентов солнечных систем их групп (куч) до президентов млечных путей, эфирных островов и всего Космоса.

Однако главная задача ученого — познание физических, биотических, психологических и иных закономерностей Большого Космоса, рассмотрение его в эволюции при условии, что время «бесконечно — сзади и спереди». В “Очерках о Вселенной” продолжается поиск аргументов для обоснования тезиса о жизненно-чувственной природе Вселенной. Космос есть живое существо. Жизнь — везде и всюду. Точно так же везде и всюду — чувства. «Материя выражается соединением времени, пространства, силы и чувства (факт: где есть чувства, там есть и материя и обратно: где есть материя, там есть и чувство, хотя и близкое к нулю). Эти четыре свойства материи неотделимы друг от друга, т.е. в отдельности не существуют. Если мы замечаем где-нибудь, например, пространство, то там же будут и остальные три качества материи»⁶.

Космическое кредо Циолковского: состояние Вселенной никогда не изменяется: она никогда не умирает, не погасает, а «вечно цветет солнцами, планетами и жизнями». Она вечно юная или мужественная — в полном расцвете своих сил. Она бессмертна не только в отношении постоянства материи и сил, но и в отношении всегда бурной ее жизни - органической и неорганической. Венчают Космическое завещание Циолковского размышления о Боге. Вселенная — это и есть Бог. “Во власти и могуществе К О С М О С А сомневаться нельзя. Нами распоряжается, над нами господствует К О С М О С»⁷.

Еще древние мыслители, сравнивая знания с кругом, а незнания — с областью, находящейся за его пределами, — говорили: чем больше круг (то есть чем больше достигнутое знание), тем больше точек соприкосновения его окружности с границами незнания (то есть тем больше проблем возникает перед наукой). Циолковский также подчеркивал: «Вся известная нам Вселенная только нуль и все наши знания, настоящие и будущие, ничто в сравнении с тем, что мы никогда не будем знать. <...> Изучение Вселенной ... никогда не будет закончено. Наше знание — капля, а незнание — океан»⁸. Космическое учение Циолковского не воздвигает преград на пути познания и освоения Вселенной ни в ширь, ни в глубь. Оно не накладывает ограничений и на скорость космических полетов, опираясь в данном вопросе на внутреннюю логику природы, получающую свое отображение подкрепленных на практике законах физики, небесной механики и навигации, космонавтики, космологии.

Циолковский давно открыл в себе необычный для обыкновенных людей дар общения с *неизвестными разумными силами* (впоследствии в эссе именно под таким названием он расскажет о своих чудесных видениях). Должно, быть с того самого мгновения, когда встретился лицом к лицу со смертью. Случилось это в молодые годы, еще до переселения в Калугу: шел в темноте домой по льду реки и вдруг провалился в прорубь. Ситуация казалась безвыходной: Безногая старуха уже сжимала горло костлявой рукой, а перед глазами, как это обычно случается, промелькнула вся прошедшая жизнь. Но вкарабкался — только вот совсем по-

⁶ Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. М., 1992. С. 170.

⁷ Там же. С. 216.

⁸ Циолковский К.Э. Любовь к самому себе. Калуга, 1928. С. 3.

другому мир стал воспринимать. Не знал, что психологи называют пережитую такую предсмертную ситуацию *пограничной*: прошедшие сквозь нее обычно точно заново нарождаются на свет и становятся совершенно другими людьми — по мировосприятию. Так и он, Циолковский, стал после того случая по ночам разговаривать с «ангелами» (об этом он впоследствии и уже в глубокой старости сам рассказал писателю Виктору Шкловскому). «Ангелы» — название, конечно, сугубо условное: просто другого подходящего слова не нашлось в обычном лексиконе. Но факт на лицо: во сне или в полудреме перед ним вдруг появлялись лики или фигуры благообразных и человекоподобных существ, которые вступали с Циолковским в высокоумные разговоры.

В принципе, как пророк, Циолковский предсказал и реакцию современников на свои гениальные озарения... Окружение Циолковского совершенно не понимало его философии. Лишь один из всех, кто знал Циолковского близко, относился ко всем его видениям и откровениям всерьез. Это был молодой калужанин, будущий прославленный ученый и основатель новой науки — гелиобиологии Александр Леонидович Чижевский (1897—1964). Его уже при жизни называли Леонардо да Винчи XX века и с этой формулировкой выдвигали на Нобелевскую премию. Они познакомились накануне первой мировой войны, когда Чижевскому — в то время выпускнику Калужского реального училища — было четырнадцать, а Циолковскому пятьдесят семь лет. Сорокалетняя разница в возрасте не помешала возникновению (а в дальнейшем и укреплению) плодотворной творческой дружбы двух корифеев отечественной науки.

Когда в 20-е годы XX столетия в Западной Европе и Америке стали появляться работы по ракетной технике и освоению космического пространства, Чижевский принял личное и решающее участие в отстаивании русского приоритета в данной области. За свой счет он переиздал отдельной брошюрой знаменитую статью Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (как известно, впервые и частично она была опубликована в 1903 году, хотя изложенные в ней идеи были сформулированы еще в 1883 году), снабдив ее собственным предисловием, переведенным на немецкий язык, и разослал по основным мировым научным центрам.

Впоследствии на основании своих незабываемых встреч Чижевский написал обширные мемуары, которые увидели свет лишь спустя более чем через тридцать лет после смерти автора под названием «На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским» (М., 1995). Чижевский же записал по памяти и философское кредо Циолковского — «Теорию космических эр», которое полностью не решились опубликовать вплоть до конца прошлого тысячелетия.

Чижевский, пожалуй, был первым, кто по достоинству оценил своего старшего друга не только как основоположника мировой космонавтики, но и как гениального философа и мыслителя. В мемуарах, написанных уже на склоне лет, Чижевский так вспоминал о своих первых юношеских впечатлениях: «Он открылся мне с какой-то оглушающей, космически страшной силой, и я увидел то, чего просто не предполагал даже увидеть, ибо считал его эрудированным, даже талантливym человеком, а столкнулся с каким-то огромным монументальным знанием и необычайной, пронизывающей интуицией, потрясшей всего меня, как небесный гром».

Находит ли современная наука подтверждения этим идеям Циолковского? По новейшим данным российских ученых — преимущественно профессоров и докторов наук (Г. И. Шипов, А. Е. Акимов, В. Н. Волченко, Г. Н. Дульнева, В. Н. Бинги, Б. И. Исаков и др.), «последней» природной стихией, лежащей в основе мироздания и уже используемой на практике, выступают так называемые торсионные («скрученные») поля, допускающие мгновенное распространение любой информации. Эти поля кручения связывают воедино все уровни природной иерархии и позволяют естественным образом объяснить многие доселе непостижимые чудеса. Согласно торсионной теории, Вселенная, как «супер-ЭВМ», образует с человеческим

мозгом своеобразный биокомпьютер, работающий в соответствии с торсионными законами, то есть, говоря без затей, по принципам скрученной спирали. Безусловно, данная концепция отнюдь не является истиной в последней инстанции, а всего лишь — приближением к истине. Однако она четко обозначает направление, по которому следует двигаться в процессе познания психофизических феноменов.

Торсионная теория мироздания предполагает непрерывное накопление информации во Вселенной, ее мгновенное распространение и возможность считывания разумным существом в любой точке космоса. Более того, по законам голографии любая материальная микроскопическая структура содержит и позволяет воспроизвести информацию обо всем Море. Как считает доктор технических наук, руководитель творческого коллектива по проблемам создания искусственного интеллекта Людмила Сергеевна Болотова, «человек — космическая голограмма: в нем уже содержится вся информация о Вселенной». Это вполне соответствует древней, как сама философия, идее о том, что в принципе любая точка Вселенной содержит — хотя и в снятом виде — информацию обо всех своих сущностях и даже обо всех происходивших когда-либо событиях.

Представляется, что при дальнейшем познании и объяснении данных явлений наиболее плодотворным и перспективным оказывается использование общенаучных методологических принципов системности и целостности. Всякий социум напоминает улей, где закономерности поведения отдельных пчел обусловлены законами, присущими всей массе пчел, т.е. законами улья. Изучая поведение отдельных пчел, можно узнать очень многое, но не узнать главного — законов улья, которые вовсе не складываются механически из закономерностей поведения индивидов. То же можно сказать о современной физике и космологии: они изучают отдельные частицы, волны, поля, но в их инструментарии пока нет методов, способов и математического аппарата для описания целого.

На передний план теоретических, экспериментальных и прикладных наук неумолимо выдвигаются биоэнергоинформационные проблемы. Профессор МГТУ им. Н. Э. Баумана и руководитель лаборатории «Биоэнергоинформатики» и организатор постоянно действующего межвузовского семинара «Сознание и физическая реальность» Владимир Никитич Волченко определяет биоэнергоинформатику (БЭИ) как научное направление, изучающее информационно-энергетические (ИЭ) взаимодействия в природе и обществе. БЭИ опирается на синтез естественных, гуманитарных и философских наук, а также на современные и древние эзотерические знания человечества. В мировоззренческом плане БЭИ базируется на эволюционном приоритете ИЭ-взаимодействия во Вселенной перед материально-энергетическими взаимодействиями.

Однако именно против этих идей выступил ряд маститых ученых. Президиум РАН даже создал комиссию по борьбе с «лженаукой» во главе с одним почтенным академиком. Один из журналистов в «Аргументах и фактах» (2001, № 6) робко поинтересовался у главы комиссии, как же теперь вообще будет развиваться наука, если ученым не позволительно совать нос в таинственный мир неясного и нерешенного, и есть ли вообще критерии, отличающие науку от «лженауки». На что последовал поразительный по своей беспомощности ответ: «Наука оперирует только такими вещами, которые можно повторить. Ни один опыт, который брались проверить физики, не подтвердил наличие экстрасенсорных, эзотерических, трансперсональных и прочих способностей человека».

Что ж, давайте попробуем поиграть по правилам, установленным борцами с «лженаукой». Дадим в руки борцам с «лженаукой» кисти и краски, поставим их перед чистым холстом и скажем: «Прекрасно известно, как Репин или Суриков создавали свои живописные шедевры — «Крестный ход в Курской губернии» или «Утро стрелецкой казни», например. Возьмите даже красочную иллюстрацию для образца, если хотите. Только повторите — мы даже экспертов присылать не станем, сразу на результат придем посмотреть. Воспроизводите! Что же вам мешает, ведь все под руками, все в наличии!»

Цена подобных «пасторских наставлений» известна давно. Наиболее ярким примером может служить не какое-нибудь показательное судилище над неугодным ученым, а решение Французской академии наук по поводу метеоритов. Здесь двести пятьдесят лет тому назад также была создана комиссия по борьбе с «лженаукой», которую возглавил звезда первой величины великий химик Лавуазье. Однако вердикт академиков-экспертов по поводу метеорита, присланного им из провинции (там он посреди бела дня упал на поле на глазах многочисленных очевидцев), гласил: «Камни с неба падать не могут!»

Теория биосферы и ноосферы неразрывно связана с именем другого нашего великого соотечественника — Владимира Ивановича Вернадского. Вернадский внес наибольший вклад в развитие именно теории. Сами же биосферные и ноосферные явления были известны всегда и по существу всегда изучались или описывались. Правда, в других понятиях. Понятие биосферы (от греч. *bios* — «жизнь» + «сфера») первым употребил австрийский геолог Эдуард Зюсс (1831—1914), а научный неологизм ноосфера (от греч. *noos* — «ум», «разум» + «сфера») впервые прозвучал во Франции благодаря философам Эдуарду Леруа (1870—1954) и Тейяру де Шардену (1881—1955). Именно с ними активно общался В. И. Вернадский во время научной командировки в Париж в 1922—1925 гг. Сходные идеи формулировал также Павел Александрович Флоренский (1882—1937) в концепции пневмосферы (от греч. *pneuma* — первоначально «дыхание», позднее «дух»), где упор делался не на разум, а на душу.

Тайны биосферы и ноосферы неисчерпаемы. Ибо один из самых принципиальных и оптимистичных выводов ноосферной теории (и об этом как раз говорил Константин Эдуардович Циолковский в «Теории космических эр») гласит: что бы ни случилось во Вселенной — разум будет жить, несмотря ни на что, всегда, в разных уголках и в различных обликах. Он вечен, как сама Вселенная. Он многолик, неотделим от биосферы и ноосферы. Он неисчерпаем, как сама Жизнь, которая так же невозможна без Вселенной, как Вселенная без Жизни. Значит, Вселенная немислима и без Разума.

Мы – дети Космоса...

Вселенная — извечная загадка бытия. Манящая тайна навсегда. Ибо нет конца у познания. Есть лишь непрерывное преодоление границ неведомого. Но как только сделан этот шаг — открываются новые горизонты. А за ними — новые тайны. Так было — так будет. Особенно в познании Космоса — бесконечного, вечного, неисчерпаемого.

Великий немецкий философ Иммануил Кант заметил однажды, что есть всего две вещи, достойные подлинного удивления и восхищения: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. Древние считали: и то и другое неразрывно связаны между собой. Космос обуславливает прошлое, настоящее и будущее человечества и каждого отдельно взятого человека. На философском языке это вековечное миропредставление оформилось в виде фундаментальной проблемы взаимодействия Макрокосма (Вселенной) и Микрокосма (Человека). При этом многие мыслители считали, что основной составляющей данного неразрывного единства является Человек. Именно в нем природа сконцентрировала в максимально сжатом виде наиболее важные свои потенции. Говоря языком современной науки, в Человеке закодирована вся информация о Вселенной. Мыслящий индивид — своего рода голограмма, по ней можно при желании воспроизвести любые закономерности Макрокосма, поскольку физические, химические, биотические и другие объективные закономерности повсюду и во всем одинаковы.

Но каковы они на самом деле — законы Вселенной? Ведь раскинутый перед нашим взором звездный ковер дает заведомо искаженную картину. На небесном экране еженощно перемещаются Луна и «хоры стройные светил» — планеты и звезды. Утром встает Солнце, пересекает небосклон с Востока на Запад и вечером прячется за горизонтом. Но на самом деле это все кажущиеся движения. В

действительности перемещаются не звезды и светила. Медленно вращается Земля, а на ее поверхности — тысячи и миллионы наблюдателей. Многие из них даже не задумываются над тем, что десятки таких знакомых и с глубокой древности известных созвездий — всего лишь случайное сочетание звезд, так они видятся земному наблюдателю. Окажись он на другой планете или в ином участке Вселенной — и знакомой звездной картины как ни бывало.

То же с Галактикой, о ее существовании еще в прошлом веке никто даже не подозревал. Млечный Путь никем не воспринимался, как рукав гигантской космической спирали. Даже обладая современными знаниями, невозможно воочию увидеть такую спираль изнутри. Нужно удалиться на много-много световых лет за ее пределы, чтобы увидеть нашу Галактику в ее подлинном спиральном облике. Впрочем, абстрактно-теоретическое мышление, астрономические наблюдения и математические расчеты, графическое и компьютерное моделирование позволяют сделать то же самое, не выходя из дома. Но стало это возможно лишь в результате долгого и тернистого развития науки.

Сказанным, однако, «вопросы к Небу» (так называется знаменитая поэма древнекитайского поэта и мыслителя Цюй Юаня) не исчерпываются. Как возникла Вселенная? Как она устроена? Как ее постичь? Почему она именно такая, а не другая? Что было в начале и что будет в конце? Что в самых глубинах? Как распределена материя в космическом пространстве? Действуют ли в удаленных галактиках те же законы, что и в нашей? Откуда берется колоссальная энергия, питающая все живое и неживое? Какова роль и в чем миссия Человека — этой вообще-то почти что невидимой песчинки в необъятных просторах мироздания? Что обеспечивает единство Макро- и Микрокосма? Что мы знаем и чего не знаем? Было ли известно нашим далеким предкам нечто неведомое сегодня? Есть ли такое, чего не дано узнать никогда? И почему? Вопросы, вопросы... Чем больше мы узнаем, тем больше новых вопросов.

Вселенную можно осмысливать по-разному — лично-заинтересованно, поэтически, абстрактно, мистически, религиозно. У каждого подхода есть своя история и свои традиции. В целом же все они объединяются в емком понятии *космизма*. Космизм — не просто знания — донаучные или научные, а в первую очередь — отношение к Космосу, особое прочувствование Вселенной — научно-осмысленное, эмоционально-личностное или философско-эвристическое.

Космизм обусловлен самой природой человека как планетарного, солярного и космического существа. Ощущение неразделенности с бесконечной и неисчерпаемой природой было присуще людям всегда. Великий русский космист В.И. Вернадский называл это неотъемлемое человеческое качество *вселенскостью*. Вселенскость — далеко не одно лишь рациональное свойство. Она просто не может быть исключительно таковым, ибо, помимо сознания и всеохвата разумом окружающего мира, предполагает и другие начала — эмоциональное, эстетическое, волевое, целеустремленное, — направленные на настоящее, прошлое и будущее. А в прикладном плане она имеет еще и технический аспект, реально-действенное освоение человеком Космоса. Вот почему космизм — особенно русский — никогда не выступает наукой в чистом виде. Он непременно еще — чуточку психология, чуточку поэзия, чуточку искусство и чуточку религия.

В прошлом космические устремления людей нередко приводили к космизации различных сторон общественной жизни. Так, в зороастрийстве и манихействе борьба добра и зла представлялась движущей силой космической эволюции. Практически все мировые и немировые религии восприняли представление о воздаянии за праведную или греховную жизнь, имеющую божественно-космическую предопределенность. У Платона и неоплатоников в качестве первосущной энергии Космоса выступает Эрос. Космическая гармония долгое время служила образцом для гармонии человеческого устройства. В развитых же идеологиях космизм получает философский статус, становится ядром мировоззрения и методологии.

Пять ступеней космического восхождения

Первой ступенью космистского видения и постижения мира стал *народный космизм*. В далеком прошлом Вселенная представлялась нашим предкам большим небесным домом, ассоциируясь со словом «вселение», имея в виду обживание жилища и вселение под родной кров. Так полагали многие этнографы и фольклористы. В одной из записей знаменитого русского мифологического компендиума под названием «Голубиная книга», сделанной Николаем Ончуковым, слово Вселенная звучит как «поселенная». В этом и других вариантах Голубиной книги (всего их записано не менее полусотни) содержатся воистину космические вопросы, касающиеся самых фундаментальных сторон природного бытия и человеческого существования:

От чего у нас начался белый вольный свет?

От чего у нас солнце красное?

От чего у нас млад-светел месяц?

От чего у нас звезды частые?

От чего у нас ночи темные?

От чего у нас зори утрени?

От чего у нас ветры буйные?

От чего у нас дробен дождик?

От чего у нас ум-разум?

От чего наши помыслы?

От чего у нас мир-народ?

От чего у нас кости крепкие?

От чего телеса наши?

От чего кровь-руда наша?

От чего у нас на земле цари пошли?

От чего зачались князья-бояры?

От чего крестьяне православные?

В величальных песнях-колядках (осколках древних празднеств в честь языческого Солнцебога Колы-Коляды) хозяин дома именуется Красным Солнышком, хозяйка — Светлой Луной (Месяцем), а их дети — частыми звездочками. Тем самым вся семья и дом, где она живет, как бы уподобляются части Вселенной. Фольклор как закодированная в устойчивых образах и сюжетах родовая коллективная память народа дает сотни и тысячи образцов космического отношения к Миру. В народных заговорах и заклинаниях, многие из которых восходят к общеиндоевропейским и доиндоевропейским мифологическим представлениям, содержатся обращения к высшим космическим силам, дневному и ночным светилам, утренним и вечерним зорям, а произносивший магическое заклинание объявлял себя облаченным в небесный свет и «обтыченным» частыми звездами.

Следующей, второй ступенью космического видения мира явился *литературно-художественный космизм*. Многие величайшие художники слова всех времен и народов внесли свой вклад в общую копилку знания и понимания Вселенной. Наиболее показательны грандиозные поэтические полотна, созданные гением Данте («Божественная комедия») и Байрона (мистерия «Каин»). Замечательная плеяда космистов-литераторов сформировалась на почве русской культуры. Величественный образ Вселенной в ее неразрывной связи с судьбами людей пронизывает творчество корифеев отечественной поэзии и прозы от Михаила Ломоносова до Леонида Леонова. В русской поэзии космизм нередко порождал неповторимые образцы: от пантеистической державинской оды «Бог», которую один зарубежный литературовед назвал величайшим творением всех времен и народов, до Поэтической Вселенной Федора Тютчева и Избяного Космоса Николая Клюева и Сергея Есенина.

Третья ступень на пути углубленного осмысления Вселенной — *философский космизм*. Он вырос из древнего народного миропредставления и имеет тысячелетние традиции на Востоке и на Западе. Ригведа и Упанишады в Индии, «И цзин» и «Дао дэ цзин» в Китае, философские системы великих мыслителей всех времен и народов — Анаксимандра, Эмпедокла, Анаксагора, Платона, Демокрита, Аристотеля, Эпикура, Плотина, Августина, Ибн Сины, Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, Гегеля, Шеллинга и других были космичными по своей сути. Точно так же и первые из сохранившихся русских летописей по своему замыслу и структуре были изначально космичными: история Руси представлялась в них как закономерное звено общей цепи мирового процесса, а сама Россия виделась неотъемлемой частью мирового целого, включенной в единый временной поток, где Время-Хронос выступает важнейшим атрибутом Космоса и выражает его текущее Начало. Утверждению космистского мировоззрения на Руси во многом способствовали и научные идеи о цикличности времени, сформулированные на основе астрономических знаний о движении Луны и Солнца в первом древнерусском календарном своде, принадлежащем Кирику Новгородцу, а также космистская направленность созданного в XII веке и приписываемого Кириллу Туровскому трактата «О небесных силах» — по существу первого из дошедших на русском языке сочинений по космологии, где Вселенная рассматривается как неразрывное единство Макро- и Микрокосма в их становлении «от небытия к бытию». Через европейскую и византийскую традицию философские идеи проникли в Россию, получили здесь прочную прописку и дальнейшее развитие в виде оригинальных учений русских мыслителей-космистов А.С. Хомякова, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина и многих других.

Четвертая ступень космического восхождения человеческой мысли в познании тайн Вселенной — *научный космизм*. Это — совокупный результат тысячелетней кропотливой работы многих ученых: от безвестных астрономов древних Шумера, Китая, Индии, Египта, Вавилона, арабо-мусульманского мира, Центральной и Южной Америки до гигантских фигур Архимеда, Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона, Ломоносова, Менделеева и подвижников современной науки. Значительный вклад в ее развитие внесли русские ученые-космисты, доведя до логического конца и архитектурной завершенности многие из начинаний своих предшественников во всем мире. К славной когорте русских космистов принадлежат и натуралисты (А.Н. Бекетов, Н.А. Морозов, Н.А. Козырев), и гуманитарии (М.М. Бахтин, Л.Н. Гумилев, А.Ф. Лосев), и теоретики (В.И. Вернадский, Н.А. Умов, А.Л. Чижевский), и практики по основному роду деятельности (великий хирург Н.И. Пирогов).

Разработка естественно-научных аспектов теории Космоса, вылившаяся в крупнейшие достижения астрономии, космологии, астрофизики, астрохимии, астробиологии, была подготовлена всем предшествующим развитием мирового космизма и в конечном счете привела к возникновению и торжеству практической космонавтики. При этом вклад русских ученых оказался решающим. Он имеет непреходящее всемирно-историческое значение. XX век — век космонавтики, и ее отцом по праву считается К.Э. Циолковский (1857—1935), наметивший основные направления в изучении проблемы *Живого Космоса*. Всюду, где только можно, великий мыслитель проводил идею жизнестойкости Мироздания: «...Вселенная в математическом смысле вся целиком живая, а в обычном смысле ничем не отличается от животного»*.

Считая, что первичные элементы материи (не обязательно атомы) не исчезают бесследно, а переходят из одной формы в другую, Циолковский предполагал: став строительным материалом живой ткани или нервных клеток, атомы (элементоны) сами становятся живыми и мыслящими. Всякий атом чувствует себя сообразно окружающей обстановке. Попадая в высокоорганизованное существо, он живет их жизнью; попадая в мир неорганический, он как бы спит. Даже в одном животном — он, блуждая по телу, живет то жизнью мозга, то жизнью кости,

волоса, ногтя, эпителия и т.п. Циолковский называл атом «гражданином Вселенной» или «бессмертным гражданином Космоса». Идеи Циолковского, включенные им во многие теоретические работы, до сих пор не потеряли своей актуальности, хотя по сей день во многом остаются невостребованными.

Наконец пятая ступень в познании тайн Вселенной напрямую связана с ее практическим освоением. Это — *научно-технический космизм*. Начало космической эры осуществилось на глазах ныне здравствующих поколений. Русский народ — первопроходец Космоса. В свое время Н.Ф. Федоров (сам от рода князей Гагариных) вдохновил пылкого юношу Циолковского на космический подвиг, тот передал эстафету космического дерзания С.П. Королеву, открывшему окно во Вселенную. 4 октября 1957 года был запущен первый искусственный спутник Земли, а 12 апреля 1961 года стало одной из славнейших дат русской и мировой истории: Сергей Королев отправил в космический прорыв простого русского парня Юрия Гагарина. Отныне дорога в бескрайние дали Вселенной стала доступной для всех и навсегда!

Excelsior! – Все выше!

Человек сначала видит звездное небо и лишь затем задумывается над его происхождением. В разные эпохи разные народы обращали свой взор к просторам Вселенной, наблюдая в небесах примерно одно и то же: рассыпной бисер звезд, «ходячие» светила, фазы Луны, восход и заход Солнца. Естественно, в Северном полушарии созвездия иные, нежели в Южном. Дневная и ночная картина на полюсах разительно отлична от экваториальной: полярные день и ночь могут длиться месяцами.

На протяжении веков и тысячелетий великие культуры и цивилизации выработали своеобразные представления о Мироздании, связав в тугой узел народные, религиозные и научные идеи. Последние подключались, как правило, на заключительном этапе и далеко не всегда играли исключительно позитивную роль. Более тысячи лет на Западе и в мусульманском мире на Востоке безраздельно господствовало геоцентрическое мировоззрение и непререкаемым авторитетом был позднеантичный ученый Клавдий Птолемей (II в. н.э.). По его утверждениям, в центре Вселенной покоится Земля, а вокруг нее вращаются Солнце, Луна, планеты, звезды. Подобное представление опиралось на скрупулезные наблюдения и точнейшие математические вычисления. Все выглядело убедительно и казалось неуязвимым. А на деле оказалось сплошной иллюзией и обманом зрения.

Пришло время Коперника. В результате титанических усилий лучших умов Европы было сломлено бешеное сопротивление легионов противников — мракобесов и ретроградов. Утвердилась гелиоцентрическая система мира. Все стало простым и понятным: Земля — шар и вместе с другими планетами вращается вокруг Солнца — одного из бесчисленного множества светил во Вселенной. Казалось бы, все — наука сказала свое решающее слово, последняя точка поставлена окончательно и бесповоротно.

Но нет! XX век в лице Альберта Эйнштейна (1879–1955) провозгласил новую абсолютную истину: все относительно! В том числе и различие между геоцентрической и гелиоцентрической системами. В «Эволюции физики» черным по белому написано, что при условии применения законов природы в любой системе координат «борьба между воззрениями Птолемея и Коперника, столь жестокая в ранние дни науки, стала бы совершенно бессмысленной. Любая система координат могла бы применяться с одинаковым основанием. Два предложения — «Солнце покоится, а Земля движется» и «Солнце движется, а Земля покоится» — означали бы просто два различных соглашения о двух различных системах координат»⁹. И сказанное никакая не натяжка, не мистификация. В современной навигации

⁹ Эйнштейн А. Собрание научных трудов в четырех томах. Т. ; 1967. С. 492.

(морской, авиационной, космической) с одинаковым основанием применяется и гелиоцентрическая, и геоцентрическая системы координат, причем последняя считается более простой и удобной.

Один из выдающихся астрономов XX века, задавший ориентиры развития космологии будущего, — Эдвин Хаббл (1889—1953) — незадолго до своей смерти так напутствовал современников и потомков: «Из своего земного дома мы вглядывались вдаль, стремясь представить себе устройство мира, в котором мы родились. Ныне мы глубоко проникли в пространство. Близкие окрестности мы знаем уже довольно хорошо. По мере продвижения вперед наши познания становятся все менее полными, пока мы не подходим к неясному горизонту, где в тумане ошибок ищем едва ли более реальные ориентиры. Поиски будут продолжаться. Стремление к знаниям древнее истории. Оно не удовлетворено, его нельзя остановить»¹⁰.

Каждое новое поколение людей самонадеянно полагает, что в познании окружающего мира оно достигло максимальных высот и впредь остается уточнить лишь кое-какие детали. В особенности этим неизлечимым недугом самомнения поражены ученые. Причем замечено: чем мельче и консервативнее ученый муж, тем выше его напыщенность, завистливость, высокомерие, безапелляционность суждений и нетерпимость к инакомыслящим. Великий сын человечества Сократ на склоне лет и незадолго до своей мученической смерти произнес бессмертную фразу: «Я знаю, что ничего не знаю!» Это — девиз, достойный настоящего искателя истины и пытливого ума. Кто утверждает обратное — не имеет никакого отношения ни к науке, ни к познанию. Подлинная наука не страшится незнания. Она смело преодолевает любые трудности и тупики. Воспаряя все выше и выше! Навстречу бесконечности...

(Напечатано в журнале «Домашний лицей». 2002. № 1).

---

¹⁰ Цит. по: Шаров А.С., Новиков И.Д. Человек, открывший взрыв Вселенной: Жизнь и труд Эдвина Хаббла. М., С. 142. (Выделено мной. — В.Д.).